

О.Л. Фетисенко

«СКРИЖАЛИ КУЛЬТУРЫ» ЕВГЕНИЯ ИВАНОВА

Публикация двух неизвестных текстов писателя и мыслителя из круга петербургских символистов Е.П. Иванова, сопровождающаяся комментарием и вступительной статьей, характеризующей его воззрения на происхождение и современное состояние культуры.

Ключевые слова: культура, культ, религия, эстетика, русский символизм, Е.П. Иванов, А.А. Блок.

Всякий пришлец имеет образ «Пришельца» нездешнего.
Всякий конец имеет образ конца последнего.

Е. Иванов

Этого «конца последнего», а может быть, и любой «конечности», завершенности петербургский литератор Евгений Павлович Иванов (1879–1942)¹, видимо, немного боялся. Если начать припоминать, чего он *не завершил*, окажется, что — самых разных вещей, начиная с обучения музыке (а у него, вероятно, был абсолютный слух — иначе он не попал бы в группу струнных симфонического оркестра). Не кончил университетского курса (чуть не в последний момент принял решение не сдавать экзамены), не нашел службы по душе

Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (betsy98@mail.ru).

¹См. о нем: *Максимов Д.Е.* Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский сборник. Тарту, 1964. <Сб. 1> С. 344–361; *Ильюнина Л.А.* Иванов Евгений Павлович // Русские писатели, 1800–1917. М., 1994. Т. 2. С. 379–380; *Фетисенко О.Л.* 1) Проповедник Нагорной радости («Петербургский мистик» Евгений Иванов) // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Сб. 5. С. 323–390; 2) Евгений Иванов как читатель и «герой» Достоевского // Достоевский и мировая культура: Альм. № 23. СПб., 2007. С. 145–156; *Аксененко Е.М.* Долг памяти (Д.Е. Максимов как исследователь жизни и творчества Е.П. Иванова) // Христианство и русская литература. СПб., 2012. Сб. 7. С. 139–175.

или издания, где бы мог постоянно печататься, на стадии замыслов и набросков оставил множество задуманных, в том числе и самых заветных, сочинений. Не решился соединить свою жизнь с девушкой, которую любил (троюродной племянницей Верой Дюковой), вместо этого неожиданно для всех женился на своей душевнобольной сослуживице. Даже обычные письма заканчивались им с трудом и требовали многочисленных черновых подступов.

Ничем «серьезным» Иванов в литературу, казалось бы, не вошел (разве что своим эссе «Всадник»², органично влившимся в «петербургский текст», в мифологию невских наводнений). Забытыми остались его ранние опусы, публиковавшиеся с 1903 г. в «Новом пути», «Мире искусства» и «Вопросах жизни», и нечастые газетные публикации 1910-х гг. Не вызвали откликов его лирические — обычно грустные и немного тревожные — рассказы для детей, печатавшиеся в журнале «Тропинка» (в 1915 г. они вышли отдельным небольшим сборником «В лесу и дома»)³. Но несомненно, что в историю литературы Иванов внес неповторимую страницу своим *присутствием* в жизни многих прозаистов Серебряного века⁴. Лучший друг Блока и его матери⁵, «выученик»

² Иванов Е.П. Всадник. Нечто о городе Петербурге // Белые ночи: Альм. СПб., 1907. С. 73–91.

³ Характерно, как трудно давалась их «отделанность»: в год журнал печатал не более одного его рассказа, и по дневнику Иванова, где зафиксированы все события его жизни, в том числе и литературной, мы видим, как медленно шла работа над тем или иным произведением.

⁴ Ср. слова Андрея Белого о нем как об одном из тех, кто формировал саму «атмосферу, слагавшую символизм» (*Белый* А.О. Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 38).

⁵ Переписка с Блоком до сих пор не была издана в полном объеме и не сопровождалась научным комментарием. В настоящее время в издательстве «Прогресс-Плеяда» завершается редакторская работа над сборником «Александр Блок и Евгений Иванов: Переписка. Статьи. Воспоминания», подготовленным В.Н. Быстровым и автором данной статьи. С А.А. Кублицкой-Пиоттух Иванова также связывала многолетняя переписка, остающаяся до сих пор почти неизвестной читателям. См. также нашу публикацию: Александр Блок в дневнике Е.П. Иванова (1903–1941) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2011. <Т. 4>. С. 311–436. В эту, достаточно большую по объему, подборку не включены, к сожалению, материалы двух записных книжек, хранящихся в Музее-квартире А.А. Блока (филиал Государственного музея истории Санкт-Петербурга) и в период работы над публикацией недоступных исследователям. Записи о Блоке могут быть обнаружены и в недавно прошедшей обработке части фонда Иванова в ИРЛИ (см. о ней: *Аксененко Е.М.* Иванов Евгений Павлович. Фонд 662. Часть 2 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 866–873).

В.В. Розанова и постоянный собеседник Мережковских⁶, верный рыцарь «Девы Революции» (М.М. Добролюбовой) и задушевный друг «Таты» Гиппиус⁷, confident Андрея Белого, который то хочет поколотить его палкой и зло дразнит «присяжным поверенным»⁸, то говорит о нем почти как о волшебнике: «придет, повертит шляпой, и все будет хорошо»⁹. Но повертит шляпой наш герой отнюдь не для фокусов, а только из смущения.

Не без самоиронии Иванов в последние годы жизни обратил свои инициалы «Е.П.И.» в криптоним по греческому предлогу *επι*, одно из значений которого — «около». Он и вправду всегда был «около» великих — всегда *επι*, — но не был ничьим эпигоном. У него с юности — свое слово, своя *тема жизни*. Эта тема — любовь к Богу и проповедь даруемой Им «нагорной радости», в которой радость Фавора и Сиона (Тайной вечери) соединяется с неведомой миру радостью горы Голгофы. Все остальное, о чем Иванову приходилось размышлять, поверялось этим, взвешивалось на этих весах. У него постоянная тяга к проповеди¹⁰. Даже на службе (с 1907 г. Иванов был счетоводом в конторе Китайско-Восточной железной дороги) этот нескладный, в вечном «полете», в вечной тревоге, кажущийся «юридическим», человек говорит о Христе, вызывая частые насмешки. Он так рад, когда слышит от Т. Гиппиус, что для нее «самое важное в жизни для себя и для других» — Христос¹¹, как и для него самого. Ему не исполнилось еще и 25 лет, когда он записал в дневнике: «Я желал бы быть <...> солью волн, возбуждающих жажду и алканье о Боге»¹².

⁶См.: В.В. Розанов в дневнике и незавершенных воспоминаниях Е.П. Иванова. Письма Розанова к Е.П. Иванову / Публ. О.Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 439–515.

⁷См. многочисленные упоминания о нем в письмах-дневниках Т.Н. Гиппиус: Истории «Новой» христианской любви: Эротический эксперимент Мережковских в свете «главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. ст. и материалов. СПб., 2007. С. 391–455. В свою очередь, Т. Гиппиус — одна из наиболее часто упоминаемых в середине 1900-х гг. на страницах дневника Иванова фигур.

⁸Ср.: Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке / Публ. Д.Е. Максимова и Э.П. Гомберг // Блоковский сборник. Тарту, 1964. <Сб. 1>. С. 410.

⁹Там же. С. 405.

¹⁰«Тогда я готов был поучать всех, кто только попадетя; не разбирая ни пола, ни возраста... Учителей, вообще, в ту пору появилась — пропасть, учеников же — с огнем пощи» (Иванов Е.П. [Воспоминания об А. Блоке] // ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 31.

¹¹Александр Блок в дневнике Е.П. Иванова (1903–1941). С. 331. Запись от 17 марта 1906 г.

¹²Цит. по: Фетисенко О.Л. Проповедник Нагорной радости. С. 357.

Порой он кажется навязчивым и почти невыносимым даже для любящих его людей. Тетка Блока, М.А. Бекетова, относится к нему с симпатией, но замечает в дневнике, что ее утомили ивановские «юрродство и гримасы» и «бессвязная мистика»¹³. Тяжело воспринималось окружающими вечное пульсирование Иванова между ощущением своей «призванности» и несколько экзальтированным исповеданием собственной греховности.

Евгений Павлович писал каждый день и много, но вообще всякая речь, а письменная особенно, давалась ему очень трудно. Благо почти все роды текстов в черновой редакции сосредоточены в его дневниках, мы можем видеть, что наиболее ответственные письма (например, к Д.С. Мережковскому и З.Н. Гиппиус, к будущему обновленческому епископу Антонину (Грановскому), тогда — епископу Нарвскому) создавались чуть не по неделе, в десятке редакций. Он сбивчив, косноязычен, страдает аграфией¹⁴, но в его дневнике и в письмах то и дело встречаешь настоящие сокровища. В настоящее время существует уже несколько подготовленных нами публикаций с подборками фрагментов из дневника Иванова не столько биографического, сколько творческого характера¹⁵. В записях его и детская чистота, и боль о мире¹⁶, и глубочайшие интуиции. Слова-жемчужины среди многих и многих страниц, напоминающих скорее автоматическое письмо, — как спящие под снегом зерна. Об этом сам Евгений Павлович сказал в одном из писем к Блоку: «...снега молчат; и под ними не слышно, как зреют зерна, умирающие и возрождающиеся»¹⁷.

У Иванова было несколько замыслов, к которым он возвращался на протяжении многих лет. В коллекции М.С. Лесмана (ныне хранящейся в ИРЛИ), на-

¹³Цит. по: Там же. С. 326.

¹⁴В случае Иванова мы имеем дело не просто с трудным почерком: в его черновых записях слова могут быть сокращены до одной-двух букв, в середине слова сплошь и рядом пропускаются буквы, слоги меняются местами, знаки препинания почти отсутствуют, предложения часто обрываются на полуслове.

¹⁵*Фетисенко О.Л.* 1) Из дневника «петербургского мистика» (Евгений Иванов и его эсхатологические воззрения) // Эсхатологический сборник. М., 2006. С. 273–285; 2) «...Вечно падать и никогда не разбиваться о камни» («Петербургский мистик» в мире Ибсена // Творчества Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте. СПб., 2007. С. 81–95; 3) Проповедник Нагорной радости. С. 373–390; В.В. Розанов в дневнике и незавершенных воспоминаниях Е.П. Иванова. С. 439–515; Александр Блок в дневнике Е.П. Иванова (1903–1941). С. 311–436.

¹⁶«Котенок мален<ький> едва не слепой на дороге найден. Кричит. Это мир кричит» (цит. по: *Фетисенко О.Л.* Проповедник Нагорной радости. С. 373).

¹⁷Цит. по: Там же. С. 329.

пример, сохранились многочисленные записи о скуке («томлении душевной пустоты», по Пушкину) и наброски статьи о «серой госпоже Карабос» (той же скуке, рассмотренной уже метафизически). На протяжении почти десяти лет разрабатывалась им тема «веры и любви». Ряд текстов, как изданных, так и оставшихся лишь набросками, группируется вокруг волновавшей Иванова темы культуры, ее происхождения (то ли божественного, то ли люциферического — для автора это составляло тогда вопрос) и ее судьбы.

Первый текст — набросок без начала и конца, на котором стоит дата «23 октября». Дневниковые записи позволяют безошибочно отнести эту рукопись к 1904 г. Именно в этот день Иванов отнес в редакцию журнала «Новый путь» статью «Скрижали культуры», из которой позднее вырос его очерк «Университет», помещенный уже в другом журнале — «Вопросы жизни»¹⁸. Очевидно, это фрагмент белого автографа, возможно, — часть той самой рукописи, которая была отдана в «Новый путь».

Две «скрижали культуры» — это религия и наука (культура) или — иначе — «культ» и «культура» (отметим, что в самой постановке проблемы «культ и культуры» в ее «этимологическом» развороте Иванов опережает о. Павла Флоренского и своего знаменитого однофамильца — Вяч. И. Иванова). Замысел статьи о культуре пересекался, совпадая и по времени, с раздумьями Иванова, навеянными современной драматургией¹⁹ и классическими произведениями русской поэзии («Медный Всадник»²⁰ и «Демон»). Итогом этих раздумий станут упомянутое выше эссе «Всадник» и статья «Демон и Церковь», белой автограф которой не сохранился (он был послан в Париж для затеваемого Мережковскими сборника «Царь и Революция», куда, впрочем, так и не был включен).

Образ «отверженного Небом» Демона «рифмуется» у Иванова с образом царя Саула — избранника, утратившего благословение Божие. И тот и другой — символы культуры. Приведем дневниковую запись от 13 октября 1904 г., непо-

¹⁸Вопросы жизни. 1905. № 4/5. С. 264–267. Окончательная редакция статьи относится уже ко времени революции 1905 г., когда университет был закрыт из-за студенческих волнений. С рассуждения о глубинных причинах этого закрытия она и начинается. В журнал «Вопросы жизни» Иванов перешел вместе с другими авторами «Нового пути». К руководителям журнала (философам-идеалистам Н.А. Бердяеву и С.Н. Булгакову) Иванов относился весьма настроенно. В приведенной ниже записи именно их он называет «спортсменами».

¹⁹Иванов в это время был потрясен ибсеновскими «Кукольным домом» и «Женщиной с моря».

²⁰Здесь важен был, конечно, не только пушкинский текст, но и фальконетов монумент, осмысленный Ивановым как *genius loci* Петербурга. «...Все мы находимся в вибрациях его меди», — писал Блок о Медном Всаднике (*Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 169*).

средственно предшествовавшую оформлению замысла о «скрижалях культуры» и, что немаловажно, включающую в себя упоминание о Петербурге (городе Медного Всадника):

Колоссальное библейское лице Саула, царя избранника, лишившегося силы небесного духа Божия и за то, что Слово Господне отверг. Лице царя. <...>

В этом лице бывшего пророка Саула <...> так близко и нам самим лицо Демона. <...>

Ведь в самом деле наша людская культура отвергла слово Божие и Церковь Его не по случайной причине, не потому только, что попы стали служить скверно, что в церкви все омертвело, но по каким-то более глубоким причинам.

Думаю, иди служение и моление Христу Богу идеально, отошли бы люди и при этом передовые. Надо отвергнуть Слово, как Саул отверг. И за это казнь и мука. И гонит Бог потом, насылая злого духа, который от Бога. Это наш демон. Отгоняем мы отход Пира.

—

И город Всадника напоминает чем-то Его Демона. — О. Ф.). Тоже Новый город. Это против родительства восставший и парадиз на месте тартара»²¹.

Статью «Скрижали культуры» Иванов принес в редакцию «Нового пути», когда там уже главенствовали философы, вскоре возглавившие новое издание — «Вопросы жизни». 23 октября 1904 г. он оставил в дневнике запись, которая быстро переходит от фиксации дневных впечатлений к размышлению, непосредственно продолжающему только что завершённую статью:

Снес свои скрижали культуры в «Новый Путь». Там Булгаков. Черт его подери, потом Философов²², Мережковский. Я передал Чулкову²³ рукопись и просил передать Булгакову.

²¹ Иванов Е.П. Дневник 1904 г. // ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 24 об.–26.

²² Речь идет о Д.В. Философове, с которым к этому времени Иванов был уже давно и хорошо знаком.

²³ Г.И. Чулков был секретарем редакции «Вопросов жизни».

—

Ох уж эти либералы, кто кого почуднее дерзнет. Спортсмены своего рода. Идея-то у них давно внутри умерла. Каменные ослы, а только как бы дерзостнее перед правительством показать на глазах у собратий. О отвращение, отвращение.

—

Весьма частое явление, люди, занимаю<щиеся> обществен<ной> жизнью, теряют себя самих, превраща<ясь> в каких-то спортсменов, кот<орые> поставили себе цели как бы подерзостнее штуку перед властями выкинуть. Право и спорт как машинальность в общем царят. При этом и помину любви нет к жизн<и>, не к Богу. Так пошел и черств как все.

А за дело свое держат<ся> только что<бы> в бездну скуки не сва<ли<т>ся>, а не п<отому что> превыш<е> с<ебя?> и любили его.

Разве дело, не взят<ое> как общее дело, мож<ет> людей как-н<ибудь> оживить, оно м<ожет> развлечь, да²⁴.

В ожидании ответа об участии «Скрижалей...», Иванов продолжает разрабатывать в дневнике тему культуры в ее современном («позитивном») изводе, предполагающем, в частности, полное поглощение личности обществом:

1 ноября. Кажется, нигде так личность, душа челове<ка> не была подавлена, как в нашей позитивной сентимент<альной> культуре. Человек не ценится как ценит<ся> человек, общественный деятель и только. Человек всецело должен принад<лежать> не себе, а обществ<у>. <...> Искали, кричали о свободе души, личности, а сами не знал<и>, чем наполнить эту свободу, не осталась бы она пуста²⁵.

<16 ноября.> Наша культура смотрит толь<ко> на внешнее, не на душу человека, а на человека деятеля. Челове<ка> деятеля и ценит; а что внутри у чело<века> <...> до этого нико<му> нет дела. “Лишь были б желуды!” Культура наша так долго не продержи<тся>, если не буд<ет> обра<щаться> ко внутрен<нему> в челове<ке>. Этого <нет> от<того>, что в культуру нашу не вошла религия <...>²⁶.

²⁴Там же. Л. 39–39 об.

²⁵Там же. Л. 51 об.–52.

²⁶Там же. Л. 93 об.–94.

Оторвавшаяся от «культы» культура засыхает, опустошается, живет мнимой жизнью «пустышки»²⁷, создавая видимость бурной деятельности своими механическими, автоматическими движениями, умноженными отраженностью в бесчисленных, обставших вокруг, зеркалах. Разглядывание «отражений», самолюбование мертвых кукол-«пустышек» — вот символ современной культуры у Иванова, очень актуальный и для нашего времени, «когда в искании всевозможного рода известности каждый шаг описывается и жизнь превращается в какую-то живую фотографию»²⁸. Вот поэтому второй предлагаемый читателю текст может рассматриваться как непосредственное продолжение первого. Это один из набросков к эссе «Зеркало и автомат»²⁹, над которым Иванов работал три года (1906–1908).

Само эссе, с которым, надеемся, можно будет познакомиться в сборнике «Александр Блок и Евгений Иванов», состоит из нескольких частей-слов: в частности, из описания сна, в котором дети родственной семьи подменены куклами-автоматами, и яркой сценки, рисующей «бытовую» картинку — продажу души дьяволу словно продажу старой книги букинисту. Как это часто бывало с Ивановым, «претекст» легко обнаруживается в дневнике — в записи от 28 марта 1905 г., которая приведена далее в одном из примечаний к публикуемому тексту. «Набросок о продавании души черту» был сделан 10 сентября того же года. В конце апреля 1906 г. после первого посещения «башни» Вяч. Иванова Евгением Ивановым начато эссе «Автоматы». Неотрывно думая об автоматах, «пустышках» и «зеркалах», в ночь на 1 мая он видит знаменательный сон об автоматах и кружении³⁰, и сразу после этого в дневнике появляются все новые и новые записи на эту тему, варьирующие и углубляющие мотивы подмены, «сочинительства», осквернения святыни, самозванства, душевной пустоты,

²⁷На Иванова глубокое впечатление произвел роман Г. Уэллса «Человек-невидимка». Этот образ трансформировался у него в образ «человека-пустышки».

²⁸Цитата из публикуемого ниже очерка, о котором сейчас и пойдет речь. Излишне, думается, пояснять, какие именно ассоциации вызывают сейчас эти удивительно глубокие наблюдения Иванова.

²⁹Иванов Е.П. Зеркало и автомат // ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 84.

³⁰См.: *Фетисенко О.Л.* Сон о Башне (По материалам архива Е.П. Иванова) // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 220–225. На погруженность Иванова в тему автоматов повлияли набиравшая все большую популярность индустрия механических игрушек, выставки (паноптикумы) восковых фигур и автоматов (ср. у Блока: «Открыт паноптикум печальный...»), наконец, бурное развитие кинематографа — возможность видеть на экране движущихся «пустышек».

«мистического кокетства» (когда человек даже молится с оглядкой на внутреннее «зеркало») и, наконец, смерти культуры и смерти души.

Публикуемый фрагмент датирован 16 октября 1907 г. Сохранились также два недатированных варианта окончания того же эссе³¹. В основном тексте произведения следует особо выделить эсхатологическое пророчество Иванова об антихристе как «последнем автомате»³². Намек на это содержится и в публикуемом здесь варианте — благодаря многочисленным отсылкам к новозаветным предупреждениям о последних временах. Антихрист показан Ивановым как «грядущий автомат»³³, царь автоматов, воссевший на «седалище Моисеевом», и подобно тому, как Мережковский завершал своего «Грядущего Хама» словами о том, что последнего «победит лишь Грядущий Христос», Иванов всегда держит в памяти (своей и читательской) эту надежду. Думая об этом, он и свой родной город, «темный» город Всадника (Демона, Саула), надеется видеть омытым и овеванным свежим ветром «Христа, грядущего с моря»³⁴.

Что же касается «культуры»... здесь Иванов надеялся на то, что она может, пройдя путем зерна, возродиться, вернуться на «путь жизни, путь внутреннего человека»³⁵, коротко говоря — из культуры Демона-Саула стать культурой Давида-псалмопевца. «Требуется, — писал он, — не реставрация, не обновление, но колоссальное перерождение нашей жизни. <...> сознательно должно совершиться то ожидаемое перерождение, которое перероди<т> всю нашу опостылевшую жиз<нь> <...> и станем мы сильными в слове и деле»³⁶.

³¹ Иванов Е.П. 1) [Черновые записи, наброски] // ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 161–162; 2) Зеркало и автомат [Вариант] // Там же. Ед. хр. 82. Л. 26.

³² «И последний великий Автомат будет сам Антихрист, который придет и воссядет на престоле славы, и соберутся к нему народы многие, и поклонятся ему как Владыке жизни Христу, и когда поклонятся, так вдруг всем ясно станет, что это Автомат» (Иванов Е.П. Зеркало и автомат // Там же. Ед. хр. 84). Ср. в черновом наброске: «...Антихрист есть великий Автомат, великий Мертвец» (Там же. Ед. хр. 82. Л. 26).

³³ Аллюзия на известное эссе Мережковского «Грядущий Хам» (1906).

³⁴ Характерное для дневников Иванова (начиная с 1904 г.) именование. Ср. с финалом эссе «Всадник»:

«И как двое бесноватых у моря вышли навстречу к грядущему с моря Христу и исцелились, так и двое всадников наших <Всадник Медный и «всадник бедный» — Евгений. — О. Ф.> выйдут к морю навстречу Ему, грядущему в буре с моря.

И встанет резвое лицо, чаемое в резвом плеске весеннее синих вод и резвом блеске синих небес и в резвом запахе петербургской воды и мокрой щепы» (Иванов Е.П. Всадник. Нечто о городе Петербурге // Белые ночи: Альм. СПб., 1907. С. 89—90).

³⁵ Слова из статьи «Университет».

³⁶ Цит. по: Фетисенко О.Л. Из дневника «петербургского мистика». С. 283. Дневниковая запись от 25 октября 1906 г.

Текст «<Скрижалей культуры>» печатается по беловому автографу из коллекции М.С. Лесмана (ИРЛИ. Ф. 840; фонд находится в стадии обработки), набросок к «Зеркалу и автомату» — по автографу из фонда Иванова³⁷. В прямых скобках приводится текст, зачеркнутый автором, в угловых — редакторские конъектуры.

Евгений Иванов

<Скрижали культуры. Культура и культ>
<1904>

23 октября

То или другое сознание, убеждения оказывают влияние на жизнь, но не они дают жизнь; силу деятельной жизни дает более глубокое начало, вера, это пламя, горящее и движущее нас во время наших увлечений; она дает жизнь, убеждения же так или иначе влияют только на нас. Приходит время, когда отнимается, уходит вместе с увлечениями вера от нас, и тогда остается душа наша пуста, и мир пуст для нас, тогда никакие, прежде воодушевляющие, убеждения, ни самопопукания не могут оживить остывающего и окаменевающего человека в какой-то развратной спячке.

Не случайно в корне слова культура слышится культ. Если то или другое культурное направление, господствующее в обществе, перестало бы быть в корне своем культом (душа которого вера, т.е. сила, водящая нас в наших увлечениях), то как бы ни было сложно и велико здание ее, оно не устояло и перед малым напором ветра, рухнув, как засохшее прогнившее дерево, вместе с вороньими гнездами на ее ветвях.

Ведь для очень, очень многих, фактически, культура в жизни занимает место религии; поэтому, естественно, что, хотя и не вполне сознательно, разные общественные собрания ради культурных целей становятся своего рода богослужесбными собраниями, представители культуры — «кумирами», земными богами, «первыми», «пастырями», все же культурное общество является «живыми камнями» живого храма культуры, «стадом» не в позорном, хамском, смысле этого слова, а в царском, как свободное подчинение авторитетным голосам культуры.

³⁷ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 153–158.

Конечно, ярко выразиться характер культа в культуре может только при сильном увлечении, которое бывает в молодости, когда от увлечения горят глаза и щеки, горят тою напряженной силою, верою, делающею общество жизненным, деятельным и верящим в свое дело, в авторитет своей культуры.

Верить в авторитет культуры, это значит считать ее Истиною непогрешимую; оттого и увлекаются люди ею; но огонь увлечения гибнет как только в общество проникло сомнение в истинности данной культуры (напр<имер>, позитивной). Сомнение же в истинности является всякий раз, как *две скрижали*, на которых зиждется все здание общественной культуры с ее храмами, богами и людьми, *не являются соединенными в жизни, но распавшимися*, ибо твердая уверенность «от начала» живет в людях, противоречащая всем доводам человеческого рассудка, что та культура истинна, где обе эти скрижали неразрывно соединенными явятся.

<Зеркало и автомат Фрагмент ранней редакции>

.....
<от>вратительно долго еще, помню, ныло, как будто эти удары человека-куклы не были только сном.

Или другой раз попадаете вы в оживленное общество: кругом барышни, кавалеры: все разговаривают, смеются, суетня, беготня, танцы... Вы находите какую-нибудь симпатичную барышню или молодого человека, начинаете с нею или с ним говорить, рассказывать с жаром о пережитом вами, выворачивая самые тайники своей души, и вдруг ужас! гадость!.. перед вами не оживленный собеседник, а кукла... Оглядываетесь и видите, что и кругом все давно стоят, застывши окостеневшими куклами в нелепых позах; «притон автоматов!..»

Впрочем, подобное и не во сне только бывает; мне кажется, Гоголь в «живой картине» финала «Ревизора» хотел показать это самое превращение автоматов в подлинный вид свой; точно завод кончился и стали куклы как стояли.

Тут ужас, отвращение и тревога чувства самосохранения; и странный щекочущий смех, какой бывает при осязании скользкой зеркальной плоскости.

Я бы назвал еще автомата «человеком-пустышкой»³⁸.

«Человек-пустышка» — это такой человек, который *по-видимому* полон жизни, на самом же деле *пуст*, пустышка, ибо в нем души-жизни — нет. По

³⁸ Слово из речевого обихода Блока и Иванова, которое неоднократно используется в записях о Блоке, датируемых серединой 1920-х гг.

самим себе можем судить, чем должен быть этот человек пустышка, потому что семена его в каждом из нас есть, и чем дольше время идет, тем больше и больше таких семян в людях, и растет, растет в нас человек-пустышка, автомат, так что, по слову Евангеля, мы здесь «по самим себе судим, *чему* быть должно»³⁹, именно *чему*, а не кому *быть-то должно*, ибо он не Кто, а *что*.

Существует глубокая связь между автоматом, этим человеком-пустышкой, и зеркалами. Недаром зеркала играют такую большую роль в музеях автоматических кукол; зеркальное отражение так напоминает автоматов, что, думаю, не из зеркальной ли пустоты они и вылезли-то на свет Божий, ибо что такое автомат, как не то же пустое зеркальное отражение, только воплотившееся и ходящее по белу свету.

Смотря в зеркало, мы не себя там видим, не себя, а себя человеком-пустышкой: в зеркале человек тот да не тот, и все что он делает, делает так да не так, как живой человек. В зеркале человек видит не себя, а своего двойника-пустышку, видит себя автоматом.

Из этого свойства зеркал превращать в себе человека в автомата, как бы высасывая из него, подобно вампиру, кровь жизни, из этого странного свойства зеркал вытекает наша современная зеркальность. Зеркальность — ужасная болезнь. Это чудовище пустое, пожирающее все наши чувства при самом их зарождении.

Кто заражен этою болезнью, тот уже не живет жизнью, а живет своим зеркальным отражением, не живет, а лишь только отражается, и нет в нем полноты, но одна лишь зеркальная пустота. Потому все время у него *левая рука видит, что делает правая и все дела свои он делает с тем, чтоб его видели люди*⁴⁰; и заметьте, как изменяются движения и выражение лица человека, когда он, разговаривая, все посматривает в зеркало, как он там выглядит разговаривающим. Не появляется ли в нем что-то автоматическое, куклообразное, и не начинает ли уже он жить отражением своим, а не жизнью, не превращается ли он уже в человека-пустышку, куклу-автомата.

Здесь приходят в голову странные легенды о вампирах, мертвецах, подобно зеркальным отражениям, живущим кровью, высосанною у живых, и не поэтому ли сродству с зеркальными отражениями они не отражаются в зеркалах, как и люди, «продавшие душу черту», по легендарным сказаниям, ибо чему и отражаться, когда сами они — отражение пустое.

³⁹Ср.: «Зачем же вы и по самим себе не судите, чему быть должно?» (Лк 12:57).

⁴⁰Парафразы: Мф 6:3; 23:5.

Человек, зараженный зеркальностью, в своем роде продал душу черту. «Все дела свои он делает с тем, чтоб его видели люди», его «левая рука все время видит, что делает правая», и он «получил уже награду свою»⁴¹, как сказано в Евангелии. Эта полученная уже «награда» не есть ли та плата, которую человеку дает чорт за проданную душу.

В наш век какой-то стихийной зеркальности, когда в искании всевозможного рода известности каждый шаг описывается и жизнь превращается в какую-то живую фотографию, представление кинематографа, в уличный эпизод, а не факт, — в наш век продажа души черту может стать массовым явлением.

Что же манит массы к продаже души? — Искание славы друг от друга, искание известности ради известности: для этого все описывается, всю душу и тело хотят *превратить в книгу*, которую бы читали все и прославляли бы, так-то превращаются люди в автоматов, пустышек, в ходящих мертвецов, в *книжников* и фарисеев⁴².

И мне представляется иногда возможным, что вдруг где-нибудь на одном из наших людных проспектов, положим, на Литейном⁴³, откроется лавочка с сенсационною вывескою «Покупаю и продаю души свежие и подержанные». И пойдут в эту лавочку разные человеки со свертками, завернутыми больше в газетную бумагу: а в свертках-то души их будут свежие и подержанные. И души, проданные черту, — ибо как же без черта душу продать, — будут покупаться у него, как интересные романтические приключения, с заманчивым пикантным сюжетом⁴⁴.

⁴¹Ср.: Мф 6:2.

⁴²Иванов использует устойчивое евангельское выражение.

⁴³На Литейном проспекте в XIX в. существовало много букинистических магазинов.

⁴⁴Ср. в дневнике 1905 г. запись от 28 марта, сделанную после беготни по лавкам букинистов в тщетной попытке продать старые книги из домашней библиотеки: «Сегодня продавал книги, бегал по букинистам. Одни покупали, но давали очень мало, другие совсем не брали, говори<ли>: есть уж много у нас, на полках стоят, многие приносят. Другие: “хотите рублик”, и как не соглашался за “рублик”, то не останавливали и внимания больше не обращали. Я ходил снявши шапку, это помога<ет>, и то не брали. Одним словом, приходилось почти унижаться, чтоб только развернули и посмотрели и дали цену, которая прежде казалась минимальной. Главное все говорили: посмотрите, у нас на полках стоят уже несколько таких экземпляров, и еще издание старое-старое.

И вот пришло мне в голову уже потом, что может быть такой город, вместо букинистов жил бы *чорт души покупает*.

И вот все ходят и продают прямо за бесценок ему. Так в руках сверток газетной бумаги четырехугольный завязан веревкой. Это и есть завернутая душа в газетную бумагу <...>.

Что же делается с продавшим душу черту? — да, по-видимому, ничего: все, по-видимому, остается по-старому, но он уже не человек, а кукла, пустышка-человек, зеркальное отражение. И как зеркалу одинаково возможно, одинаково способно, ибо одинаково пусто без жизни, — сейчас отразить какой-нибудь добродетельный поступок, отразить даже образ Христа, и сейчас же на том же месте изобразить гнуснейшую гнусность и образ Дьявола, — так и человеку-пустышке, автомату сейчас возможно быть с вами очень любезным и потом вдруг разбить вам голову или, глазом не сморгнув, раздавить ребенка: вот почему автоматы внушают тревогу чувства самосохранения. И все в человеке-пустышке, автомате, делается как на скользкой поверхности зеркала: и отвратительно и странно смешно, как от какой-то щекотки, осязая пальцами эту прозрачную поверхность; и не от этого ли «мертвые души» — смешны?

И тот, кто продает, и тот, кто покупает души у черта, заражается зеркальностью чертовой куклы. Люди делаются как автоматы и на все смотрят как на представление кинематографа и даже на страдание⁴⁵. Чертова кукла автомат грядет на город, тогда автоматы вылезут из всех углов своих темных

Так-с... Такие же как у букинистов маленькие лавчонки и написано: покупаю и продаю души. На окнах в витринах они выставлены, разные, есть более старые издания, есть более новые. В переплетах, без переплетов. Подержанные или совсем новенькие. Публика ходит мимо, нисколько не удивляет<ся>, привыкла... Любители рассматривают души в витринах на окнах. Иные заходят, покупают для прочтения души, проданную черту. Она уже не годится так в употребление, но ее интересно почитать. Особенно для писателя, он матерьял себе тут найдет. «Есть души совсем-с свеженькие, девушка <...>. Продали, грусны были. Мы им <...> прибавили. Не дорого, сами просили. Всего 8 гривен. Мы уже от себя приб<авили> пяток. Не угодно ли посмотреть будет. Забавненькие мыслишки там <...> есть. Забавно, забавно-с и главное свежо. Купите, не дорого продам вам, по случаю достал. Хоть за 6 рублей». Говорил это сам черт, прод<ает> и покупает. <...>

– 6<-й> год торгуем. Выгодно.

Шибко идет дело. Посмотрите, несут сколько. За грош продают. Да ей-боже, не выгодно покупать.

Говорят, в былое время продавали души за большую цену. В средние века. Уж сам ухаживаешь, ухаживаешь, чтоб только душу заполнить. И действитель<но> не жаль и деньги за нее дать. <...> А нынче посмотрите, что за народ пошел. Жизнь-то не в грош не ценят. И души продают це<лым> гуртом, задаром рады отдать, да и отдали бы, да только вот деньги им нужно ждать» (Иванов Е.П. Дневник 1905 г. // ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 65 об.–67).

⁴⁵По поводу зрителей «несчастных случаев» в кинематографе Иванов говорит, что они испытывают «сладострастие, переодевшееся состраданием», и делает такой прогноз: «Боятся жизни и ходят потому в кинематографы. И когда, прививши в себя кинематограф, выйдут в жизнь, то не будут бояться жизни, ибо жизнь для них превратится в кинематографическое представление» (цит. по: Фетисенко О.Л. Проповедник Нагорной радости. С. 366; запись от 22 января 1908 г.). О «кинематографических представлениях» он замечательно высказывается как о «представля-

и начнут давить, бить всех, кого ни попало, всех живущих, начиная с животных, и люди будут издыхать от страха в ожидании «*грядущих* на вселенную»⁴⁶ грядущих автоматов...

«Горе вам, книжники, фарисеи, лицемеры, которые все дела свои делают с тем, чтобы их видели люди», и «левая рука их все время видит, что делает правая», — горе вам, книжники, фарисеи, лицемеры, ибо вы автоматы, порождение автозеркальности, «порождение ехиднино»⁴⁷, порождение будущих и грядущих на вселенную автоматов, имя которым Смерть. Люди будут издыхать от страха в ожидании грядущих на вселенную. Кто эти грядущие будущие, как не автоматы, чертовы куклы, имя котор<ым> Смерть⁴⁸.

«На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи»⁴⁹, — и вспоминаются детские сны, от которых просыпался с криком ужаса весь в холодном поту. Как бывает в снах об автоматах, вы подходите к человеку, к которому вся душа рвется от восторга, перед которым изливаешь душу до ее тайников и вдруг оказывается перед вами не он, а он — автомат, «пустышка» на месте святом, «на Моисеевом седалище» в своем роде. С неистовым криком задыхаясь, — *издыхая от страха* и отвращения, кидаетесь вы бежать вон, куда глаза глядят.

Так и сказано: «Когда увидите *мерзость запустения*, стоящую на <святом> месте (читающий да разумеет), тогда находящиеся в Иудее *да бегут* в горы»⁵⁰.

«Горе же беременным и питающим сосцами в те дни»⁵¹, ибо грядущий автомат, вставший со своего «седалища Моисеева», будет мстить всем *живым*, и *потому* особенно беременным и кормящим сосцами, будет мстить как зверь, кидающийся на тех, кто бежит от него.

«Тогда будет такая скорбь, какой не было от начала мира до ныне и не будет»⁵².

«И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы (от автоматов) никакая плоть: но ради избранных сократятся те дни»⁵³.

ющей жизнь пустоте» (Фетисенко О.Л. Проповедник... С. 367; из набросков к статье «Модные мотивчики», начатой в ноябре 1908 г.).

⁴⁶Ср.: «...люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную» (Лк 21:26).

⁴⁷Мф 3:7; 12:34; 23:33; Лк 3:7.

⁴⁸Аллюзия на Откр 6:8 («...и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “смерть”...»).

⁴⁹Мф 23:2.

⁵⁰Мф 24:15.

⁵¹Мф 24:19; Мк 13:17; Лк 21:23.

⁵²Ср.: Мф 24:21; Мк 13:19.

⁵³Мф 24:22.

И как избежать всех сих *будущих* автоматов и предстать пред Сына Человеческого?

Не перебить ли все зеркала, как источник порождения автоматов; но так поступают сумасшедшие, — это безумие. Потом это некультурно, ибо что такое наша культура, как не кукла, отражение в зеркале Прекрасной дамы.

Как избежать нам всех сих *грядущих будущих* автоматов?

«*Бодрствуйте на всякое время, и молитесь*⁵⁴, [да сподобитесь избежать всех сих *будущих* <бедствий> и предстать пред Сына Человеческого]...»

Но что значит бодрствуйте и молитесь?...

16 окт<ября 1> 907

Источники и литература

1. Аксененко Е.М. Долг памяти (Д.Е. Максимов как исследователь жизни и творчества Е.П. Иванова) // Христианство и русская литература. Сб. 7. СПб., 2012. С. 139–175.
2. Аксененко Е.М. Иванов Евгений Павлович. Фонд 662. Опись 2 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 866–873.
3. Александр Блок в дневнике Е.П. Иванова (1903–1941) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко // Александр Блок: Исследования и материалы. <Т. 4>. СПб., 2011. С. 311–436.
4. Белый А. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997.
5. Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965.
6. Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке / Публ. Д.Е. Максимова и Э.П. Гомберг // Блоковский сборник. <Сб. 1>. Тарту, 1964. С. 362–424.
7. Иванов Е.П. [Воспоминания об А. Блоке] // ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 81.
8. Иванов Е.П. Всадник. Нечто о городе Петербурге // Белые ночи: Альм. СПб., 1907. С. 73–91.
9. Иванов Е.П. Дневник 1904 г. // ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 9.
10. Иванов Е.П. Дневник 1905 г. // ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 12.

⁵⁴Лк 21:36. В прямых скобках дан зачеркнутый Ивановым текст.

11. *Иванов Е.П.* Зеркало и автомат // ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 84.
12. *Иванов Е.П.* Зеркало и автомат [Вариант] // ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 26.
13. *Иванов Е.П.* Университет // Вопросы жизни. 1905. № 4/5. С. 264–267.
14. *Иванов Е.П.* [Черновые записи, наброски] // ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 41.
15. *Ильюнина Л.А.* Иванов Евгений Павлович // Русские писатели, 1800–1917. Т. 2. М., 1994. С. 379–380.
16. Истории «Новой» христианской любви: Эротический эксперимент Мерещковских в свете «главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. ст. и материалов. СПб., 2007. С. 391–455.
17. *Максимов Д.Е.* Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский сборник. <Сб. 1>. Тарту, 1964. С. 344–361.
18. В.В. Розанов в дневнике и незавершенных воспоминаниях Е.П. Иванова. Письма Розанова к Е.П. Иванову / Публ. О.Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 439–515.
19. *Фетисенко О.Л.* «...Вечно падать и никогда не разбиваться о камни» («Петербургский мистик» в мире Ибсена // Творчества Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте. СПб., 2007. С. 81–95.
20. *Фетисенко О.Л.* Евгений Иванов как читатель и «герой» Достоевского // Достоевский и мировая культура: Альм. № 23. СПб., 2007. С. 145–156.
21. *Фетисенко О.Л.* Из дневника «петербургского мистика» (Евгений Иванов и его эсхатологические воззрения) // Эсхатологический сборник. М., 2006. С. 273–285.
22. *Фетисенко О.Л.* Проповедник Нагорной радости («Петербургский мистик» Евгений Иванов) // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Сб. 5. С. 323–390.
23. *Фетисенко О.Л.* Сон о Башне (По материалам архива Е.П. Иванова) // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб. 2006., С. 220–225.